

- ¹⁹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. вып. I. С. 11.
- ²⁰ Там же. С. 147.
- ²¹ Писарчик А. К. Припамирские таджики. С. 657—658.
- ²² Брук С. И. Указ. раб. С. 302.
- ²³ Магидович И. Население Памиров // Бюллетень Центрального статистического управления Туркестанской республики. Ташкент, 1922. № 23 (1 мая). С. 5.
- ²⁴ Раджабов С., Бободжанов И. Советский Бадахшан в братской семье народов СССР. Душанбе, 1975. С. 17.
- ²⁵ Гинзбург Н. С. Особенности расселения на Памире // География населения и населенных пунктов СССР. Л., 1967. С. 253.
- ²⁶ Ср.: Писарчик А. К. Припамирские таджики. С. 658—659; Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972. С. 11—12; *ее же*. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVI. С. 174—175.
- ²⁷ Агаханян О. Е., Юсуфбеков А. Главные черты природы Памира // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVI. С. 26.
- ²⁸ См. статьи Эдельман Д. И. (с. 41—62), Стеблин-Каменского И. М. (с. 192—193), Розенфельд А. З. (с. 210—221), Пахалиной Т. Н. (с. 222—250), Дьякова А. М. (с. 169—173) // Страны и народы Востока. Вып. XVI.
- ²⁹ Зеймаль Е. Народности и их языки при социализме // Коммунист. 1988. № 15. Октябрь. С. 64—72.
- ³⁰ Чешко С. В. Указ. раб.; Крюков М. В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // СЭ. 1989. № 2. С. 31.
- ³¹ Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей; *ее же*. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области. С. 156—168; *ее же*. Эволюция национального самосознания припамирских народностей // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 125—135; *ее же*. Припамирские народности // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 373.
- ³² Балхов Д. Развитие национального самосознания народных масс в условиях перехода от докапиталистических отношений к социализму: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. философ. наук. М., 1972, с. 17.
- ³³ Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима; *его же*. Особенности традиционного земледельческого хозяйства; *его же*. Этнографическое изучение Советского Бадахшана. (В соавторстве с Моногаровой Л. Ф.) // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе. 1985. С. 352—384.
- ³⁴ Справочник. «Население СССР». М., 1975. С. 98—99.
- ³⁵ Брук С. И. Указ. раб. С. 80.
- ³⁶ Балхов Д. Указ. раб. С. 17.

А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ ОТКЛИКА А. С. ДАВЫДОВА НА СТАТЬЮ С. В. ЧЕШКО

В № 6 журнала за прошлый год была напечатана статья С. В. Чешко, в которой обсуждались и проблемы памирских народностей. Мы полностью согласны с критикой автором так называемого «письма ветеранов» (газ. «Коммунист Таджикистана», 24 июня, 1988 г.).

По предложению журнала «Советская этнография» мы ознакомились с откликом А. С. Давыдова на статью С. В. Чешко. Наши возражения А. С. Давыдову, приводимые ниже, неизбежно перекликаются с нашим ответом на «письмо ветеранов», публикуемым в «Памире».

Бросается в глаза, в первую очередь, противоречивость позиции А. С. Давыдова. С одной стороны, он признает, что окончательное решение вопроса об этнической принадлежности зависит от самосознания и является правом самих памирцев. Однако тут же А. С. Давыдов делит всех носителей памирских языков на две группы: благонамеренную, лояльную, признающую себя «таджиками» и группу «смутьянов», зараженную, по его словам, «отвратительным местничеством», настаивающую на языковых и культурных отличиях населения ГБАО

от прочих районов Таджикской ССР. Почему же в данном случае А. С. Давыдов присваивает себе право судить о том, кто прав, а кто не прав в этом споре?

Впрочем, если разобраться, спор этот вызван лишь разным пониманием слова «таджик», получившего в последнее время, на наш взгляд, по крайней мере, два значения: 1 — древнее самоназвание населения в самых разных районах (см. ниже); 2 — наименование, не такое давнее, так называемой социалистической нации.

Рассуждения А. С. Давыдова относительно термина «таджик» свидетельствуют не только о его недостаточной осведомленности в этом вопросе. Для этих рассуждений характерна еще одна особенность, свойственная вульгарно-социологическому мышлению. Берется многозначный, или во всяком случае, неоднозначный термин, подразумевается лишь одно из его значений, а затем, по воле автора, объявляется крамольным и ненаучным все, что не соответствует этому толкованию.

Да, действительно, термин «таджик» имеет давнишнее распространение на Западном Памире. Он был употребителен там, кстати говоря, задолго до того, как стал общепринятым в остальной части нынешнего Таджикистана. Только термин-то этот в прежние времена имел во многом другое значение, чем в его современном, особенно официальном словоупотреблении. Сегодня «таджик» в понимании А. С. Давыдова, — это представитель одного «народа», «нации», область проживания которой странным образом почти полностью совпадает с границами Таджикской ССР. Между тем, исторически, а следы этого словоупотребления во многом сохраняются до сих пор, далеко за пределами Таджикистана — от Восточного Туркестана до Западного Ирана, таджиками называли оседлое земледельческое население, противопоставляя его (так же, как и термин «тат») кочевому, преимущественно тюркоязычному населению, сохранявшему племенное деление. «Таджиками» (а свой язык «таджикским») называли себя носители иранских диалектов в Фарсе на юге Ирана (см. «Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Западная группа...», М., 1982, с. 316). «Таджиками» называли себя этнические группы, говорящие на дардских языках в Афганистане, «таджиками» называли себя и некоторые тюркоязычные группы в Средней Азии, утратившие обычно, в известной степени, свое племенное деление. Термин «таджик» в его официальном значении сравнительно новый, так же, как и термин «узбек». Значительная часть населения Афганистана еще в недавнем прошлом не называла себя таджиками, а ныне приняла в качестве самоназвания этот термин.

В поддержку своей точки зрения А. С. Давыдов приводит без разбора многочисленные цитаты из всевозможных сочинений, написанных как специалистами, так и неспециалистами, не замечая при этом, что приводимые наблюдения иногда свидетельствуют против него. Так, например, в цитате из Н. Г. Малицкого говорится, что «...припамирские таджики ... себя самих называют таджиками, а остальных таджиков ...зовут „порси-гу“ (т. е. говорящие по-персидски)» (с. 19). Странной кажется ссылка на юриста Л. М. Энтина (с. 34) говорящая лишь о невежестве его в проблемах этногенеза, и уж совсем неуместно упоминание мнения некоей анонимной военно-политической тройки (с. 19). Если следовать логике А. С. Давыдова, то все памирцы, живущие на Памире, безоговорочно считают себя «таджиками» (а по мнению А. С. Давыдова, это означает, что они не стремятся сохранять и развивать свою самобытную культуру), а «смутьяны» из Душанбе, пользуясь консультациями «благожелателей» из соответствующих институтов республиканской и союзной академий, выступают против своих родичей на Памире.

Дело обстоит совершенно иначе. Памирцы, живущие в Душанбе, это прежде всего представители памирской интеллигенции, получившие образование на таджикском и русском языках и не имеющие возможности пользоваться родным языком как письменным. Именно то обстоятельство, что эти люди получили образование и проживают в неродной языковой среде, и помогло им глубже

разобраться в сути проблемы и осознать свою обособленность. Эти представители памирской интеллигенции до сих пор пользуются между собой в быту памирскими языками, что, с точки зрения А. С. Давыдова, как мы уже говорили, — «отвратительное местничество».

А может быть, это — естественное стремление представителей малых народов и, конечно, в первую очередь интеллигенции, сохранить свои самобытные языки и культуру? В основу рассуждений А. С. Давыдова положено примитивное и, на наш взгляд, неверное представление о том, что устранение этнического, языкового и иного разнообразия, вытеснение малых языков большими и ассимиляция малых культур — это прогрессивный процесс. Эту нелепую концепцию внушали нам в течение десятилетий всевозможными способами, в том числе и самыми неприглядными. Результаты, как мы знаем сегодня, оказались плачевными, чтобы не сказать трагическими. Вспомним хотя бы судьбу малых народов Севера.

Если верить А. С. Давыдову, то за годы советской власти процесс ассимиляции памирских народностей и консолидации их в таджикскую нацию проходил безмятежно и гармонично по predetermined истории пути без всяких злоупотреблений со стороны как местных, так и республиканских властей. Напомним, однако, что нововведенная шугнанская письменность использовалась в школах до 1937 г. и была отменена и ликвидирована в этом печально известном году отнюдь не по просьбе местных жителей. Эта акция была частью проводившейся при Сталине под флагом борьбы с местным национализмом уродливой и коварно-лицемерной политики по искоренению национального своеобразия и разнообразия в нашей стране и по натравливанию одних народов на другие (разумеется, в полном противоречии со всем тем, что сам Сталин говорил о национальной политике в своей речи на XVI съезде партии). В ходе этой кампании была уничтожена письменность у многих других народностей, а деятели, ратовавшие за развитие письменности и культуры на родном языке, репрессированы.

Все, что происходило и происходит поныне с памирскими языками, с письменностью и фольклором памирских народностей, является отражением политики насильственной их ассимиляции, проводившейся на протяжении нескольких десятилетий. Вот только некоторые из частных проявлений этой политики: стало правилом, что руководители не только всей ГБАО, но и отдельных ее районов назначались из числа представителей непамирцев. Употребление местных языков в школе даже в устном общении было категорически запрещено. Исполнение песен на смотрах художественной самодеятельности на памирских языках не разрешалось. Представители интеллигенции, носившие традиционные местные тюбетейки, обвинялись в национализме, им предписывалось надевать на голову стандартные черно-белые тюбетейки ферганского образца.

Особенно вопиющим примером полного пренебрежения к нетаджикоязычным народностям Таджикистана явилось переселение язгулемцев, рошорвцев и бартангцев с Западного Памира в низменные хлопкосеющие районы в 50-ые годы. Напомним, что последнее из подобных «переселений народов» произошло уже в 1970 г., когда около двух тысяч ягнобцев было выселено из верховий Зерафшана в Зафарабадский район Ленинабадской области. Эти переселения стали настоящей трагедией для сотен семей. Неприспособленные к жизни в жарком низменном климате горцы массами вымирали. Только после отчаянных усилий, посылки ходоков в Москву, некоторым семьям удалось вернуться обратно. Это «белое пятно» в истории памирцев еще тоже нужно стирать. Невольно приходит на память судьба балкарцев, калмыков, чеченцев, крымских татар и других народов, «наказанных» в свое время Сталиным. Разница заключается только в том, что здесь это делалось центральными властями республики как бы для блага несчастных горцев, хотя они вовсе не просили об этом благодеянии.

Не следует забывать также и о том, что памирские народности за границей

внимательно следят за судьбой своих сородичей в Советском Союзе. Продолжающиеся попытки насильственной ассимиляции памирских народностей могут вызвать у зарубежных памирцев, уже и без того страдающих от шовинизма афганских таджиков и паштунов, резко отрицательную реакцию. Наоборот, признание за памирскими языками права на самостоятельное развитие, в частности, наличие местного радиовещания на этих языках, в свое время способствовало бы развитию добрососедских отношений в этом регионе.

Еще с конца XIX в. зарубежные памирцы с завистью взирали на судьбу своих родичей по другую сторону Пянджа, где они пользовались покровительством русских, защитивших их от национального гнета и от произвола эмирской Бухары. Надеемся, что традиции доброго отношения памирцев к русским, сохранявшиеся до нынешнего времени, не прервутся.

Культурные, исторические и политические связи Горного Бадахшана с Таджикистаном неоспоримы, нельзя подвергать сомнению и тот факт, что таджикский (точнее фарси или новоперсидский) язык с давних пор имеет прочные позиции на Памире в качестве второго языка. Вряд ли кто-нибудь претендует на то, чтобы оторвать памирские народности от Таджикистана или таджикского народа. Речь может идти лишь о фактическом признании права памирских народностей на культурную автономию, для чего есть все необходимые основания, в том числе и юридические. Статус памирских народностей как национальных меньшинств в составе Таджикской ССР в принципе решен самим наличием ГБАО, речь идет не о том, чтобы пересматривать границы и уже сложившееся положение, а о том, чтобы эта автономия из пустых слов стала реальностью. Решающее слово здесь, конечно, за самими памирцами и, в первую очередь, представителями интеллигенции.

Возникает вопрос, почему кому-то так необходимо превратить этот терминологический спор в важную политическую проблему? Ответ прост: это нужно для того, чтобы продолжать политику языковой и культурной ассимиляции местного населения Памира, игнорировать самобытность их древней культуры, в конечном итоге облегчить административно-бюрократической системе управление разнородным населением национальных окраин. Надо, наконец, понять, что каждая этническая, языковая или религиозная группа, живущая в нашей стране, сколь бы мала она ни была и каковы бы ни были ее отношения к другим, должна иметь полную свободу пользоваться родным языком или диалектом и развивать свою культуру в тех рамках и в том объеме, в котором представители этой группы сочтут необходимым. Решение этих вопросов, безусловно, не является прерогативой никаких центральных органов и не должно зависеть от заключений или рекомендаций каких-либо государственных или иных учреждений. Пора, наконец, понять, что этот вопрос правовой и без его справедливого решения невозможно создание правового государства, что сегодня стало нашей главной политической задачей. Решение это возможно только при реальном соблюдении прав каждой человеческой личности.